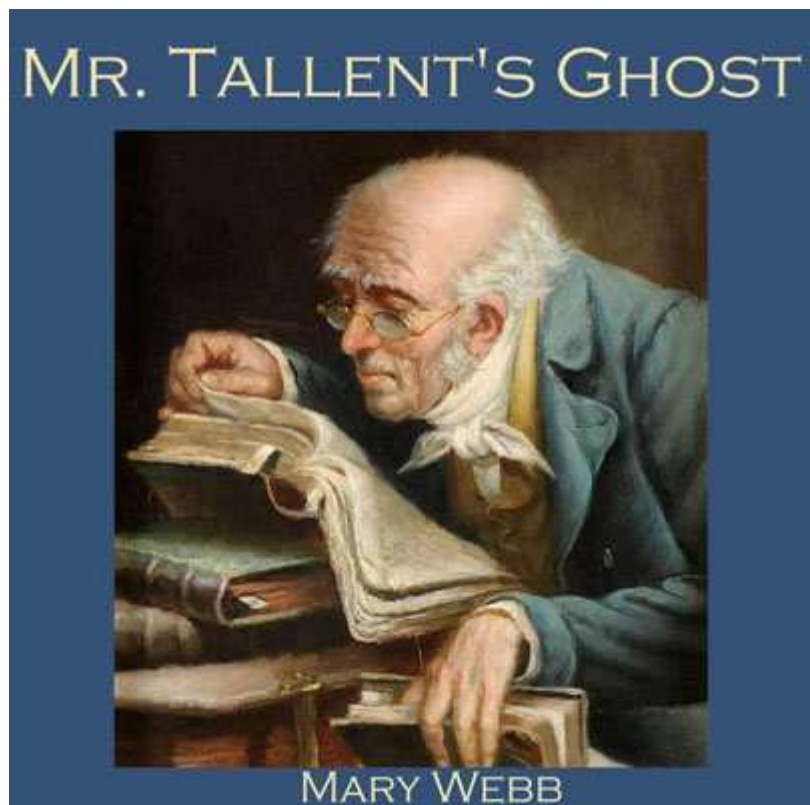

Мэри Уэбб "Призрак мистера Таллента"

MR. TALLENT'S GHOST Mary Webb (1926)

*Мэри Глэдс Уэбб (Mary Webb) (25 марта 1881, Лейтон Лодж, Шропшир - 8 октября 1927, Сент-Леонардс он Си) английская писательница и поэтесса. Наиболее известная романтическими произведениями, действие большинства из которых происходит в Шропшире. По ее роману снят знаменитый фильм *Gone to Earth* Ее произведения были популярны в 1930-х в эпоху расцвета неоромантизма. Рассказ "Призрак мистера Таллента" впервые был издан в 1926 в *The Ghost Book: Sixteen New Stories of the Uncanny*. Неоднократно переиздавался, включался в различные антологии историй о привидениях и рассказов ужасов.*

Впервые я встретил мистера Таллента в конце лета 1906 года в маленькой, одинокой гостинице, стоявшей на вершине горы. Для местных жителей дождливые дни в этих местах мало чем отличаются от других дней, поскольку работа заполняет их целиком, льет ли за окном как из ведра или стоит прекрасная погода. Но для туриста дождливые дни скучны. Я скучал уже почти неделю и подумывал о возвращении в Лондон. Но тут появился мистер Таллент. Поскольку я не смог ни его "разместить в своей классификации", ни прояснить к своему удовлетворению кто он, то мистер Таллент меня заинтриговал. Ведь барристер должен уметь составить суждение о человеке за несколько минут.

Я не видел как приехал мистер Таллент и не заметил, как он вошел в комнату. Я поднял глаза, а он стоял в маленькой, освещенной огнем камина гостиной с Библией, шерстяными ковриками и медной кастрюлей для варенья. Он читал рукопись, слегка шевеля губами во время чтения. Это был нежный, похожий на мотылька человек, очень худой, ростом около шести футов трех дюймов или чуть повыше. Его волосы и глаза были неопределенного

цвета, неприметный костюм и поникшие руки с немного вывернутыми пальцами. В нем больше всего привлекало внимание выражение пассивной, но непреклонной настойчивости.

Я пожелал ему доброго и вечера и поинтересовался, есть ли у него газета, поскольку похоже он прибыл из цивилизованных мест.

- Нет, тихо ответил он. - Нет. Только небольшая рукопись моего сочинения.

Как правило я отношусь к рукописям настороженно, как заяц к борзым. Когда-то я был критиком, и получал целые пакеты рукописей для оценки. так что я мог бы уберечь себя и несколько дюжин людей от того, что могло оказаться ужасным, отталкивающим инкубом. Но день был так жутко скучен, Исчерпав "Старого мура" (Альманах Старого Мура - астрологический альманах, издаваемый в Англии с 1700, - примечание переводчика) и попробовав "Псалмы проклятия", я не имел, что почитать. Поэтому и спросил:

-Ваша рукопись?

- Именно так, - скромно ответил мистер Галлент.

- Не окажете ли мне честь? - спросил я, зная, что он хочет вручить мне рукопись.

- Как мило, воскликнул он. - Незнакомец, ничего не зная о моих чаяниях и целях, вы беретесь за столь обременительную задачу!

- Вовсе нет, - ответил я с нервным смешком.

- Я думаю, - пробормотал он приблизившись и нависнув надо мной, - будет лучше, если вам прочту ее я. Многие считают, что у меня хороший голос для чтения.

Я ответил, что буду рад и подумал, что ужин не может быть позже девяти. И я знал, что чтение мне не понравится.

Он стал перед каминной полкой, задрапированной тканью:

- Это будет моей трибуной, - и начал читать.

Хотел бы я описать вам этот медленный, невыразительный, неудержимый голос. Это был голос, для которого в то время я не мог найти сравнения. Теперь я могу сказать: это было похоже на громкоговоритель, вещающий невыносимо скучные вещи. Поначалу я слушал и даже пытался вникать в смысл. Я прослушал все первые шесть глав, которые были невероятно скучны. Я понял все о декорациях, характерах героев, недраматических событиях, которые автор тщательно выстраивал. Я представлял, что что-то должно произойти. Я думал, характеры будут развиваться, персонажи сотворят нечто жуткое или наоборот великие, священные деяния. Но они этого не делали. Ничего не происходило. Книга была плоской, бесформенной, но недостаточно живой, чтобы в ней появилось хоть что-то. Это было просто витиеватое выражение некой негативной личности с переизбытком неярких, заимствованных и несвежих идей. Герой всегда говорил то, что от него ожидали. Читатель всегда знал, что сделают все персонажи. Я ждал кульминационной банальности как приступа зубной боли. Я думал, что через какое-то время чтец сделает паузу, так как все это делают, извиняясь и в то же время ожидая, что кто-то скажет "Продолжайте, пожалуйста".

В данном случае в этом не было необходимости. Более того, это было невозможно.

Медленный, монотонный голос звучал без паузы, с ужасающей неутомимостью граммофона. Мне невыносимо хотелось, чтобы он прошептал что-то или заорал - хоть что-то, лишь бы развеять тоску. Я попытался думать о чем-то другом, но он читал слишком отчетливо для этого. Я не мог слушать его, но не мог и игнорировать. Никогда я еще не проводил такого вечера. По счастью, маленькая служанка неп стала тянуть с ужином до десяти.

Время тянулось невыносимо медленно.

Наконец я сказала: "Можно нам сделать паузу, всего на несколько минут?".

"Зачем?" - поинтересовался он.

"Для... для обсуждения", - слабо пробормотала я.

"Нет, - ответил он, - в самый захватывающий момент. Неужели вы не понимаете, что теперь, наконец, я довел свой сюжет до самого драматического момента? Все персонажи ждут трагической кульминации".

Он продолжил чтение.

Я продолжал ждать кульминационной трагедии. Но трагедии не было. Моя голова ужасно болела.

Его голос лился дальше, сквозь мои чувства, комнату, мир. Мне казалось, что он смоев меня в вечность. Я обнаружил, что думаю, вполне торжественно:

Я был вполне серьезен, когда подумал "Если она вскоре не принесет ужин, я его убью".

Я думал об этом инстинктивно, как думают об ухвертке или мошке. Я укрылся в размышлениях о том, как это сделать. Эта мысль меня поглотила и помогла отстраниться от смысла прочитанного.

Я рассмотрел все представившиеся возможности. Удушение. Нож для хлеба, лежащий на буфете. Повешение. Я тайно злорадствовал. И почувствовал себя почти счастливым. И вдруг чтение прекратилось.

"Она принесет ужин", - сказал он. "Теперь мы можем немного поговорить. После этого я закончу рукопись". Он так и сделал. И после этого он рассказал мне о своем завещании.

Он сказал, что оставляет все свои деньги на посмертную публикацию своих рукописей.

Он также сказал, что хотел бы, чтобы я составил завещание и был попечителем рукописей.

- Я слишком занят.

Он настаивал, что завещание можно составить завтра.

- Завтра я уезжаю, - ответил я.

- Вы не сможете уехать, - торжествовал он.

- Перевозчик отправится только после обеда. А вы до тех пор сможете составить завещание. А потом ничего делать не придется. Вы можете заплатить критику, чтобы он прочел рукописи. Заплатить издателю, чтобы их опубликовали. И меня из-за них запомнят.

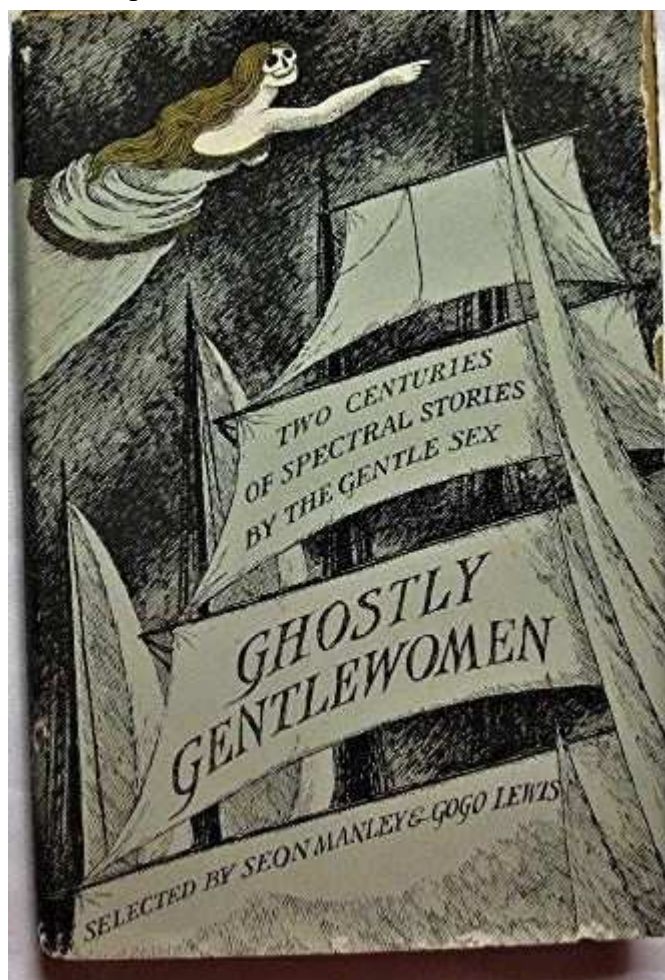
Он добавил, что если я сомневаюсь в их литературных достоинствах, то он может прочесть мне еще одну.

И я сдался. А кто бы поступил по-другому?

Я составил завещание, оставил адрес, куда он может прислать свои вещи и покинул гостиницу.

После этого я забыл о мистере Талленте. Я о нем ничего не слышал несколько лет. Время от времени я просматривал списки опубликованных книг, чтобы проверить, не освободил ли ктонибудь меня от поставленной задачи. Но никто этого не делал.

Прошло лет 10. Я попал в госпиталь с "раной на миллион долларов" и вновь встретил мистера Таллента.

Я уже выздоравливал и сидел на солнышке с другими парнями. Вдруг дверь приоткрылась и вошел мистер Таллент. Он два часа читал нам. Он меня помнил и много говорил о совпадениях.

Когда он ушел, я сказал медсестре, что если она его еще раз выпустит пока я здесь, то я его убью. Она только рассмеялась. Но остальные парни были со мной полностью согласны и он больше не приходил.

Вскоре после этого я в газете наткнулся на заметку о его смерти.

"Бедолага", - подумал я. - "Он слишком много читал. Чье-то терпение лопнуло. Ну что же, он никогда не сможет больше мне почитать".

Потом я вспомнил о рукописях и отчетливо понял, что если писатель был верен своему слову, то мои неприятности только начинаются.

Так и вышло.

Сначала пришло обычное письмо от адвоката из города, в котором жил мистер Таллент. Затем мне позвонил клерк этого адвоката, принесший большую жестяную коробку.

- Родственники покойного крайне возмущены, - сообщил он. - Им ничего не оставили. Они настаивают, что рукописи ничего не стоят, а у живых есть права.

Я спросил, откуда они знают, что рукописи ничего не стоят.

- Похоже, сэр, мистер Таллент, время от времени читал их вслух.

Мне удалось скрыть ухмылку.

- Сэр, они претендуют на равную долю с...эээ рукописями. Они угрожают судебным разбирательством и получили юридическое заключение о целесообразности требования расследования имеющихся у вас материалов.

Я посмотрел на коробку. В ней чувствовался дух Джоанны Сауткотт ((1750 - 1814) самопровозглашенная пророчица из Девона, лидер целого религиозного движения, существовавшего до 30-х годов 20 века - примечание переводчика). Я спросил полная ли коробка.

- Вполне, сэр. Напечатанные рукописи. Сделаны очень аккуратно.

Он достал ключ, копию завещания и запечатанное письмо.

Тем вечером я забрал коробку домой. Подкрепившись ужином, сигарой и стаканом портвейна, я обдумывал сложившуюся ситуацию. Над коробкой витал какой-то необычный дух обреченности. Проклятие это или благословение, но оно всегда притягивает людей. Сундук волшебника, шкатулка с драгоценностями, алебастровая шкатулка с драгоценными пряностями, кофр со свадебным бельем, каменный саркофаг - что за странная тайна заключена в них. Поэтому, открыв шкатулку мистера Таллента, я почувствовал будто выпускаю джинна на свободу. Наверное, так оно и было. Я уже ознакомился с состоянием и письмом, выяснив, что состояние было довольно большим. Письмо приблизительно повторяло то, что мне ранее сказал мистер Таллент.

Я взглянул на некоторые рукописи. Немедленно комната наполнилась присутствием мистера Таллента и его голоса. Я оглядел сумрачные углы комнаты, будто он мог в них появиться.

Просмотрев бумаги я понял, то, что мистер Таллент читал мне - было лучшим его произведением.

Я нашел номер телефона Джонсона и попросил его зайти ко мне. Он был из тех, кто никогда не зарабатывает деньги. Журналист-фрилансер, у которого есть совесть. Я знал, что он обрадуется этой работе.

Джонсон сразу же оживился. Он с восторгом рассматривал рукописи. В нем жил критик и жажда отыскать шедевр.

- Вам лучше брать по дюжине за раз и делать записи. - Сказал я. - Вердикт в конце.

- От меня зависит, будут ли они опубликованы?

- Какие будут опубликованы. Некоторые должны быть опубликованы. Это оговорено в завещании.

- Но если я признаю их ничем не стоящими, бедные бродяги получают больше денег? Какое проклятие остаться без денег.

- Я должен это выяснить. Не уверен, что это возможно с юридической точки зрения. Каков, к примеру стандарт?

- Я создам стандарт, - надменно сказал Джонсон. - Конечно, если обнаружу шедевр. Джонсон спросил, думал ли я об издателе.

Я ответил, что подумал о Джуксе, поскольку ни одна книга, насколько бы ужасной не была, его репутации не повредит, а деньги ему нужны постоянно.

- Разве это справедливо по отношению к бедолаге Талленту? - спросил Джонсон.

В качестве прощального напутствия я сказал:

- Если вы пожалеете, что влезли во все это (а когда вы поработаете с этим, то пожалеете), вспомните, что их никогда не читали вам вслух и будьте благодарны судьбе за это.

Всю неделю ничего не происходило. Затем начали приходить письма от родственников мистера Таллента.

Это была плодовитая семейка. Они все были очень бедны, очень злобны и совершенно не интересовались литературой. Они писали в разных стилях и с разных точек зрения. Всех их объединяли две вещи: полное отсутствие литературного совершенства и юридическая точность.

Ежедневно на чтение и ответы уходило все больше времени. Если я давал им какую-то надежду, то сразу же ощущал присутствие мистера Таллента, безмолвного, озабоченного, обиженного. Если я надежды не давал, то с обратной почтой получал письмо от адвоката. Никто, кроме меня, не чувствовал пафоса амбиций и мечтаний мистера Таллента. Меня уведомили, что разбирательства собираются проводить юридические конторы по всей Англии. Деньги тратились безрассудно в попытке украсть у мистера Таллента бессмертие, как выяснилось позже он был в состоянии позаботиться о себе сам.

Когда Джонсон пришел за очередной порцией содержимого ящика, он сказал, что пока нет и намек на шедевр, а рукописи настолько плохи, насколько это вообще возможно.

"Жалкий тип, Таллент", - сказал он.

"Ради Бога, парень, не позволяй ему добраться до тебя, - умолял его я. - Он будет преследовать тебя, как преследует меня со своим жутким пафосом. Я постоянно думаю о нем и его коробке, как человек думает о жизни и смерти. Если я сижу у камина, то слышу как он читает. Когда засыпаю, мне снится, что он навис надо мной как огромный мотылек. Стоит мне ненадолго забыть о нем, как приходит письмо от его ненаглядных родственников и напоминает о нем. Опасайтесь Таллента.

Нет нужды говорить вам, что он не последовал моему совету.

К тому времени, когда он закончил работу над коробкой, он был под таким же влиянием Таллента, как и я. Джонсон был горько разочарован тем, что не нашел шедевра, но оставался лоялен к писателю. Но его измучили жалкие письма, которые родственники рассылали во все газеты.

"Мне приснилось, - сказал он мне однажды (Джонсон всегда

говорит "приснилось", потому что он критик и считает это элегантно́й формой выражения), - мне приснилось, что бедняга Таллент пришел ко мне ночью и рассказал, как именно к нему пришла каждая из его вещей. Он сказал, что они пришли как "Кубла хан" ("Кубоп-Хан, или Видение во сне" - неоконченная поэма Сэмюэля Тейлора Кольриджа. По словам автора поэма пришла к нему во сне - примечание переводчика). Я сказал, что должно быть на это ушла вся ночь.

"Так и было, - ответил он. - И это вызвало у меня неприязнь к шедевру.

Я спросил его, будет ли он присутствовать на общем собрании.

- Собрание?

- Да. Ситуация накалилась до такой степени, что пришлось его созвать. Там будет около ста человек. Придется пригласить их на обед после всего. Это я не могу списать на счет покойного.

- Боже, это влетит в копеечку.

- Так и будет. Но, может удастся что-то уладить. Буду благодарен.

- Неважно выглядишь, старина. Кажешься изможденным.

- Даю Таллент всегда со мной. Так вы будете на собрании?

- Скорее, да. Но я не знаю, что сказать.

- Правду. всю правду.

- Но ужасно думать, что бедная душа потратила всю свою жизнь на эти проклятые... а они так и не увидят свет.

- Хуже, если увидят. Намного хуже.

- Да, дружище, отчаянное положение.

- Если бы я предвидел, как все запутается, то придушил бы Таллента в гостинице на вершине горы. Мне пришлось нанять двух клерков. чтобы разобраться с корреспонденцией. Я совсем не отдыхаю. По ночам мне снится Таллент. А недавно от чахотки и разочарования, что он не получил денег, умер родственник Таллента, а жена покойника угрожает мне судом за непредумышленное убийство. Конечно, это ерунда, но показывает истерическое состояние всех, причастных к этому делу. Я чувствую себя не в своей тарелке.

- Чувствовали бы себя еще хуже, если бы прочли всю коробку.

С этим я согласился.

Собрание получилось бурным. Было очевидно, эти люди действительно нуждаются в деньгах. Они были из породы не пробивных, вечно борющихся с трудностями людей, которые постоянно отчаянно нуждаются в деньгах. Дети ждали шанса в жизни, старики отодвинуть встречу со смертью, люди среднего возраста ждали возможности открыть свое дело или купить уютный домик. И был Таллент, отстранившийся от всего этого в духовном существовании, ему больше были не нужны мясо и хлеб, он скрывался от толпы родственников.

Размышляя об этом деле, я отчетливо увидел мистера Таллента в окне комнаты, снятой для собрания. Я встал, указал на мистера Таллента и крикнул им, чтобы они следовали за ним. Это был он.

Ко мне подошел Джонсон.

- Спокойно, старик, - сказал он. Ты переутомился.

- Но я его видел. Того самого человека. Причину всех этих бед. Если бы я только мог добраться до него.

Медик. который женился на одной из сестер Таллента, сказал, что такие галлюцинации - явление частое и что я не подхожу для распоряжения деньгами.

Это вселило в меня надежду, пока этот осел Джонсон не опроверг его, наговорив массу вещей о моей выдающейся карьере.

И тут меня отвлекла дрожащая старушка, которая кричала: "Церковь! Церковь! Посоветуйтесь с церковью! В Библии есть что-то об этом, только я сейчас не могу вспомнить. У кого-нибудь есть Библия?"

Племянник священника достал карманный Новый Завет, и выяснилось, что она имела в виду: "Возьми десять талантов".

"Если бы я мог взять один, мадам, - сказал я, - этого было бы достаточно!"

"Здесь говорится и об этом", - ответила она с триумфом. "Послушайте! "Если у кого есть один талант..." О, в Библии есть все!"

"Давайте, - заметил один из тринадцати адвокатов, - перейдем к делу. Есть ли это в Библии или нет, прошел ли мистер Таллент мимо окна или нет, на законность или незаконность того, что мы предлагаем, это не влияет. Факты есть факты. Покойный мертв. Деньги у вас. Мы хотим их получить".

- Я бы очень хотел, чтобы вы их получили, - ответил я, - и чтобы Таллент преследовал вас, а не меня.

Встреча продолжалась четыре часа. Были выдвинуты самые дикие идеи. Один или два спортивных кузена покойного предложили принять решение путем игр - представителей потенциальных бенефициаров и представителей рукописи. Они не могли понять, что это не может повлиять на юридический аспект.

Джонсона спросили о его мнении. Он сказал, что с точки зрения критика манускрипты - чушь. На него смотрели доброжелательно. Пока он нежилась в этой доброжелательности и пытался забыть Таллента, к нему подошла огромная дама, похожая на Боудикку(жена вождя, возглавившая антиримское восстание на территории современной Великобритании - примечание переводчика) и враждебно нависла над ним.

- Я не читала этих книг и не собираюсь, - сказала она, - но я не согласна со словом "чушь", сэръ, и считаю его клеветой. Позвольте мне сказать вам, что я привела мистера Таллента в этот мир.

Я посмотрел на женщину с изумлением. Она привела его в мир.

Я пооднялся и когда отвлекся от созерцания Боудикки, увидел, как мистер Таллент вновь проходит мимо окна.

Я бросился вперед и попытался открыть створку. Помещение было предназначено для собраний и окно не открылось. Я схватил кочергу, намереваясь разбить стекло. Наверное, я выглядел довольно безумно, а поскольку все остальные были слишком заняты делом, чтобы выглянуть в окно, никто не поверил, что я что-то видел.

"Вы могли бы просто сходить в ближайшую аптеку и купить бромид", - сказал доктор Джонсону. "Он переутомился".

Джонсон, который был рад, что избежал битвы с Боудиккой, отправился в аптеку.

Встреча наконец-то завершилась.

Была принята резолюция, призывающая стороны решить дело во внесудебном порядке.

Мы должны были узнать мнение шести выдающихся юристов, желательно судей. Мы также должны были представить то, что Джонсон счел лучшим произведением на суд выдающемуся критику. В соответствии с мнением судей и критика мы должны были разделить деньги или оставить все как есть.

Идя домой, я чувствовал себя очень удрученным. Все эти мнения должны были повлечь за собой много работы и расходов. Казалось, этому не будет конца.

"Черт бы побрал этого человека!" пробормотал я, поворачивая за угол на площадь, где я живу. А на другом конце площади стоял этот человек.

Я едва не разрыдался. Что я такого сделал, что боги так со мной играют?

Я ринулся за ним, но он шел быстро и вскоре свернул в боковую улочку. Когда я выскочил за угол, улица была пуста.

После этого не проходило и дня, чтобы я не видела Таллента. Это ужасно нервировало меня, и страх безумия начал овладевать моим сознанием. Тем временем дела шли своим чередом. В конце концов было решено, что половина денег должна быть разделена между родственниками. Теперь я думал, что наступит мир, и на какое-то время относительное спокойствие воцарилось.

Через месяц после достижения соглашения я получил сообщение от одного из адвокатов. Произошло нечто странное и тревожное - двух наследников преследует призрак мистера Таллента. И их рассудок находится под угрозой.

Я написал, чтобы выяснить, как это происходит. Адвокат ответил, что они постоянно слышат, как мистер Таллент читает свои произведения. Где бы они в доме не находились, они слышат его чтение.

Я подумал, не начнет ли он читать вскоре и мне. До сих пор были только видения. Но если он начнет читать...

Через несколько месяцев я узнал, что оба родственника, слышавших чтение, попали в психушку. В больнице призрак оставил их в покое. Но когда их выпустили, чтение возобновилось, и им пришлось вернуться обратно.

Постепенно тоже стало происходить и с другими наследниками, с одним-двумя за один раз.

Долгой зимой, через два года после его смерти, это стало происходить и со мной. Я обратился к специалисту. Он сказал, что у меня острое нервное истощение и посоветовал отправиться в больницу.

Но я отказалась. Я боролся с Таллентом до последнего. Шестеро из бенефициаров теперь находились в "домах", и все деньги, которые у них были, были потрачены до копейки.

Я все тщательно обдумал. "Колокол, книга и свеча", - казалось, мне требовалось именно это. Но как, когда, где его найти? Я посоветовался со спиритуалистом, священником и женщиной, которая обладает большей интуицией, чем кто-либо из моих знакомых.

На основании их советов я и строил свои планы. Но спасла меня Лесбия.

"Найди человека, который может бегать, чтобы он ходил с тобой повсюду", - сказала она. "Как только Таллент появится, пусть твой спутник бросится в обход по боковой улице и отсекает его".

"Но как это будет...?"

"Неважно. Я знаю, что я думаю".

Она одарила меня мудрой улыбкой.

Я делал все, что она советовала, но только когда мое терпение было почти исчерпано, я снова увидел Таллента. Чтение продолжалось, но только по вечерам, когда я оставался один, и ночью. Я расспрашивал людей вечер за вечером. Но когда я ложилась в постель, все начиналось.

Джонсон предложил мне жениться.

- Что? - спросил я. - Предложить женщине разрушенную нервную систему, опасный дом и возможный конец в психушке

- Есть одна, которая согласится на это, - заверил он.

- Не будь ослом, - я не был настроен шутить. Просто хотел прояснить ситуацию.

. Примерно через три года после смерти Таллента мы с моим спутником, выйдя на улицу раньше обычного, увидели, как он спешит по длинной дороге, у которой не было ни одной обочины. По счастливой случайности мимо нас проехало пустое такси. Я крикнул. Мы сели. Прямо перед призраком Таллента мы остановились, выпрыгнули и бросились к нему.

"Боже мой!" воскликнул я. "Он твердый!"

Он был совершенно тверд и ничуть не встревожен.

Мы посадили его в такси и отвезли ко мне домой.

"Теперь, Таллент!" сказал я, "ты ответишь за то, что сделал".

Он выглядел испуганным, но мечтательным.

"Почему ты не умер?" - был мой следующий вопрос. Он выглядел обиженным.

"Я никогда не умирал", - тихо ответил он.

"Это было в газетах".

"Я сам написал. Я был в Америке. Это было очень просто".

- И это преследование меня, а также отправка ваших несчастных родственников в психушки. Вы знаете сколько их там?

- Знаю. Очень интересно.

-Интересно?

- Это великое дело, - сказал он. - Возможно, вы не поняли, что я был прогрессивным психоаналитиком, и что я не воспринимал эти свои романы всерьез. На самом деле, они были лишь частью эксперимента".

- Во имя всего святого, какого эксперимента?

- Лучше использовать множественное число. Экспериментов было много

- Но зачем, проклятый старый негодяй?

- Для моего главного сочинения, - скромно ответил он.

- И каков же этот опус магнус, злобный старикан?

- Он будет известен во всем мире. Все это дало мне исключительные возможности. Было так легко проникать в дома моих родственников и экспериментировать с ними. Правда, жаль, что я не мог последовать за ними в психушку.

Это, очевидно, беспокоило его гораздо больше, чем неприятности, которые он причинил.

- Так это вы читали, каждый раз?

- Каждый раз

. - И это вы проходили мимо окна той ужасной комнаты, когда мы обсуждали ваше завещание?

- Да. Самое приятное зрелище!

- А теперь, старый негодяй, прежде чем я решу, что с тобой делать, - сказал я, - что это за магnum opus?

-Это трактат, - сказал он с довольным выражением лица, которое так меня взбесило.

"Трактат, который затмит все прежние работы в этой области, и называется он

"Исчерпывающее исследование с многочисленными экспериментами силы человеческой выносливости"".

